

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81
УДК 32(327.8)(024)

О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года)

Л.В. Крутаков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка проанализировать нефтяной кризис 1973 г. с позиций последующего изменения принципов функционирования мировой финансовой системы. За точку отсчета кризиса автор принимает не «нефтяное эмбарго» арабских стран в ответ на войну Судного дня, а указ Ричарда Никсона 1971 г. об отказе от золотого фиксинга доллара (Nixon Shock). Результатом чего стала трансформация механизмов и принципов действия Бреттон-Вудской системы, которая явилась причиной сегодняшнего кризиса. По мнению автора, трансформации подверглась не только экономика, но и социально-политическая модель стран Запада, а впоследствии (после крушения социалистического лагеря) — всего мира. Актуальность статьи обусловлена принципиальной схожестью параметров и характеристик кризиса 1973 г. с сегодняшним кризисом, что дает основания считать его рецидивом. Автор доказывает, что современный спад глобальной экономики вызван изъянами и издержками социально-экономической модели, которая была сформирована в 1973 г. На повестке стоят те же самые вопросы и проблемы, на которые не был дан ответ 50 лет назад.

Ключевые слова: кризис; рента; мировая экономика; финансовая глобализация; эффекты роста; ОПЕК; МЭА; энергетика; углеводороды; инфраструктура; «вертолетные деньги»; количественное смягчение

Для цитирования: Крутаков Л.В. О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):72-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81

ORIGINAL PAPER

On the Political Nature of “Market Dominance” in the Energy Sector (1973 Crisis)

L.V. Krutakov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

ABSTRACT

The article attempts to analyze the oil crisis of 1973 from the perspective of changes in the world financial system's functioning. The author takes as the starting point of the crisis not the “oil embargo” of the Arab countries in response to the Yom Kippur War, but Richard Nixon's decree of 1971 on the rejection of the gold fixing the dollar (Nixon Shock). The result was a transformation of the mechanisms and principles of the Bretton Woods system. According to the author, the economy and the socio-political model of the Western countries, subsequently (after the collapse of the socialist camp) of the whole world, underwent a transformation. The article's relevance is due to the fundamental similarity of the parameters and characteristics of the world economy's current crisis with the crisis of 1973, which gives the author reason to consider the current crisis a relapse. The author proves that the current global crisis is caused by the shortcomings and costs of the socio-economic model formed in 1973. On the agenda are the same questions and problems that were not answered 50 years ago.

Keywords: crisis; rent; global economy; financial globalization; growth effects; OPEC; IEA; energy; hydrocarbons; infrastructure; “helicopter money”; quantitative easing

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market dominance” in the energy sector (1973 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):72-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81

ВВЕДЕНИЕ

Цена на нефть в –40 долл./барр. (20 апреля 2020 г.) актуализировала вопрос о природе фондовой модели экономики. Отрицательная цена на базовый («черное золото») товар сломала логику рынка (нижний порог hedge всегда был 0 долл./барр.), опрокинула теорию трудовой стоимости (регрессивная оценка затрат) и денонсировала глобальное соглашение (G7), подведя черту под «эпохой нефтедоллара» (эквивалент мировой стоимости).

Объяснение феномену нашли быстро: пандемия, обвал спроса, затоваривание рынка, последний день перед экспирацией (завершением торгов) майских фьючерсов, невозможность одномоментно (онлайн) снизить добычу. Все причины — фундаментальные (опираются на каноны рынка). Дело, однако, в том, что отрицательная цена в канон не укладывается, объяснения в рамках рыночной модели ни о чем не говорят. Вместо ответа на вопрос о природе феномена нам предлагают повторить старые правила.

Энергорынок — матрица (опытная площадка) мирового рынка, в пределах которого экспертное сообщество ищет причину сбоя матрицы. За рамками анализа остается рынок «бумажной нефти». По данным Intercontinental Exchange (ICE), объем торгов расчетными (без товарного обеспечения) фьючерсами на платформах ICE и NYMEX более чем в 1000 раз превышает объем спотовых продаж физической нефти (2,8 млрд против 2,5 млн барр./сут.)¹.

«Бумажный рынок» устроен на иных (нетоварных) правилах. Дериватив не имеет стоимости (беззатратен), соответственно, «бумажный рынок» безразмерен (не ограничен издержками во времени и пространстве). На Brent базируется более 400 хеджирующих инструментов. Фокус не в качественной разнице двух рынков, а в том, что один диктует условия другому. Цена беззатратного (ограничен фантазиями и мечтами) финансового актива определяет стоимость (инвестиционный предел) добычи реальной бочки нефти.

Конъюнктуру нефтяного (читай — мирового) рынка диктуют не затраты (экономика), а ожидания (политика/маркетинг). План будущего составляют инвестиционные банки (Wall Street), смету определяют путем выхода на IPO (капитализация стратегии роста), а институализируют

проект постоянной перепродажей «паев будущего» (расширение круга ответственных подписантов).

Без выхода за пределы узкоэкономического подхода к мировому рынку (система глобального разделения труда), без учета его политических аспектов (международное сотрудничество) и социальных вызовов, возникающих перед национальными администрациями (ограничение суверенитета), объяснить феномен отрицательных цен невозможно. Следовательно, невозможно понять природу кризиса и его причины. В конечном итоге невозможно скорректировать модель взаимодействия международного хозяйственного взаимодействия и избежать повторения сбоев.

Исследование взаимного влияния нефтяной проблематики и мировой политики требует обращения к теории политологии. Многофакторность выбранной темы диктует необходимость обращения к незавершенным (недогматизированным) концепциям, существующим в виде дискуссионно заостренных предположений и представлений о политических процессах и их связи с мировой экономикой.

Интересен подход Я. Пляйса к федеративному построению государства как способу хозяйственной кооперации экономически нежизнеспособных социально-территориальных образований [1]. Методологически важной представляется работа А. Шатилова о «классическом евразийстве» как геополитической модели интеграции континентального типа [2]. «Медиатизация политики» и ее роль в реализации «обводных газопроводных проектов в Европе» исследованы в монографии С. Белоконевой [3]. Тренды назревающего нового «крестового похода» за нефтью и газом отражены в книге К. Симонова «Глобальная энергетическая война» [4]. Особое внимание вызывает работа А. Казанцева «Большая игра» [5] и целая серия работ по политическому подтексту нефтяного рынка одного из наиболее системных исследователей О. Скороходовой, включая ее диссертационную работу [6].

При самом широком спектре работ по теме исследователи абсолютизируют рынок, уделяя недостаточно внимания «правилам игры», соблюдение/изменений которых и есть квинтэссенция системы глобальных хозяйственных связей [7, 8]. Данная статья — попытка сместить анализ в сторону эволюции правил на примере нефтяного кризиса 1973 г. Статья является первой частью цикла, представляя из себя введение в новую методологию. Вторая (заключительная) часть

¹ Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>.

будет посвящена вновь создаваемому глобальному рынку газа по образу и подобию нефтяного, сформированного в ходе кризиса 1973 г.

Основой принцип предлагаемой методологии заключается в оценке товарного рынка нефти с позиции рынка «бумажной нефти» (фондовые операции), который детерминирован поведенчески. То есть это даже не рынок, а механизм социального управления будущим (подчинен не законам, а правилам). Установление правил — политический процесс, а установление правил для глобального рынка — предмет мировой политики [9].

Иными словами, трансформации Бреттон-Вудской системы и финансиализация («обумаживание») глобального рынка говорят о мировой политике гораздо больше, чем прокси-войны, интервенция Югославии или казнь С. Хусейна и М. Каддафи. Методология делает видимыми (наблюдаемыми) принципиально иные мотивационные механизмы и конфликтные зоны (драйверы роста и источники кризиса) мирового хозяйства.

Деконструкция классической модели рынка интересна не только и не столько тем, что деформирует канон (рушит привычный взгляд). Она позволяет проследить потрясаяще увлекательные параллели между кризисами 1973 г., 80-х гг. и сегодняшним днем (унифицирует подход).

ЭМБАРГО В СЧЕТ ЕВРОПЫ

Все исследователи нефтяной отрасли солидарны: современная модель рынка сформировалась в 1973 г., отмеченном войной Судного дня и пятикратным ростом цен. Вывод тоже общий: сменился ценоустанавливающий субъект, «арабская» ОПЕК пришла на место Международного нефтяного картеля (МНК). Закончилась эпоха дешевой нефти. Точкой старта рекомбинации считается эмбарго. Фондовая координата сдвигает точку перелома на два года назад и опрокидывает «общеизвестный» вывод о всевластии ОПЕК.

15 августа 1971 г. (в воскресенье) между 21–22 часами по восточному времени, когда у экранов телевизоров собралось большинство американских зрителей, NBC прервала трансляцию популярного сериала «Bonanza». К нации обратился президент США Ричард Никсон: «Мы должны защитить положение американского доллара как оплота финансовой стабильности по всему миру (...) доллар США больше не должен быть заложником в руках международных спекулянтов...».

США открыто заявили о приоритете своих национальных интересов над «общечеловеческими»

(Make America Great Again) и в одностороннем порядке отказались выполнять взятые на себя обязательства (дефолт), разорвав глобальное соглашение 1944 г. (Бреттон-Вудс). The Wall Street Journal оценила «новую экономическую политику» Р. Никсона (Nixon Shock) следующим образом: «Правительство США готовится к “холодной войне” против “остального свободного мира”».

Сутью Nixon Shock стал отказ от золотого фиксинга доллара (девальвация) и повышение ввозных пошлин на 10%. Целью было заставить «свободный мир» поднять курсы своих валют по отношению к американской. Дефолт подавался не как отказ платить по счетам, а как удар по междunarодным валютным спекулянтам. Пошлины, как выяснилось позже, стали инструментом давления.

18 декабря 1971 г. «свободный мир» сдался. Финансовая G10 (страны — кредиторы МВФ) подписала Смитсоновские соглашения (предтеча «Плазы», 1985 г.), согласившись поднять курс своих валют. США отменили 10%-ную пошлину. Доллар потерял по отношению к золоту 8,57% и 10–12% — к валютам стран «свободного мира» [10]. Представлено все было не как девальвация доллара, а как ревальвация других валют.

Каноническая версия рекомбинации прежней модели нефтяного рынка (как упоминалось выше) состоит в том, что причиной кризиса 1973 г. стало нефтяное эмбарго стран ОПЕК. Однако если за точку отсчета взять отказ США от золотого стандарта и Смитсоновские соглашения, то эмбарго превращается из причины кризиса в его следствие.

Одним из ключевых (но не озвучиваемых) пунктов Nixon Shock был переход США на импортную модель потребления нефти. Строго говоря, переход начался еще в 1945 г., сразу после подписания США и Саудовской Аравией «пакта Куинси». Первые получили монополию на саудовскую нефть, вторые — политическую и военную защиту от любой внешней угрозы. Nixon Shock придал процессу системный характер.

В 1950 г. чистый импорт нефти США составил 0,147 млрд барр. в год, или 7,4% от внутренней добычи. (Сайт Energy Information Administration/EIA приводит данные в Btu. Чтобы не путаться в квадриллионах, я перевел их в привычные баррели). К 1970 г. импорт вырос до 0,481 млрд барр. (13,6% добычи), в 1973-м он составил 1,19 млрд барр. (35,3%), а в 1977-м — 2,4 млрд барр. (80%).

По процентной динамике видно, что рост импорта шел опережающими темпами по отношению к потреблению. Потребление первич-

ной энергии в США с 1970 по 1977 г. выросло на 12,8%, а импорт нефти — на 80% (<https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/imports-and-exports.php>; <https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/>). Менялась модель, а не общий баланс. США долгое время были главным мировым экспортером нефти, после 1971 г. они превратились в главного импортера.

Схожие процессы шли во всем мире. К 1973 г. Япония увеличила импорт нефти более чем в 5 раз, примерно до 290 млн т/год. Импорт стран Западной Европы утроился (750 млн т/год). Объем международных торгов нефтью начиная с 1940-х гг. вырос в 17 раз, до 1,7 млрд т/год [11]. Импорт США на тот момент составлял 327 млн т/год.

Nixon Shock, Смитсоновские соглашения и еще одна (начало 1973 г.) девальвация доллара на 10% (по отношению к золоту — на 11,1%) [12] запустили рекомбинацию модели нефтяного рынка. Долларовые сбережения арабских шейхов и всего «свободного мира» превратились в бесплатный кредит Америке, а двойная девальвация конфисковала более 30% долга в пользу должника.

Экспорт нефти потерял для США смысл. Продажа нефти за золото (его эквивалент) — вполне себе коммерческая сделка, а ее обмен на свои долговые расписки (честное слово) — коммерческий нонсенс. В 1975 г. США законодательно запретят экспорт сырой нефти. Отказ от золотого фиксинга сделал импорт нефти в США (любой импорт) сверхприбыльной операцией (себестоимость производства одной банкноты — 10 центов). Америка постепенно стала превращаться в «мировой супермаркет».

Чтобы понимать механику Nixon Shock, надо учитывать один важный нюанс: на тот момент главным поставщиком нефти на мировой рынок был МНК (семь англосаксонских компаний, «семь сестер»). Всю нефть вне советского блока по концессии добывали Chevron (изначально Standard Oil of California), Exxon (Standard Oil of New Jersey), Mobil (Standard Oil Co. of New York), Texaco и Gulf Oil (обе поглощены Chevron), BP (Anglo-Persian Oil Company) и Royal Dutch/Shell.

В 1973 г. прибыль МНК выросла на 60%, а его оборот к 1977 г. утроился. Доходы госбюджета США были еще выше. На тот момент 70% цены бензина составляли налоги нефтеперерабатывающих стран, а 85% мировой нефтепереработки принадлежала МНК. Доля стран ОПЕК (рента плюс налоги) в цене бензина была 9%, доля МНК — 20% [13]. Пять из семи «сестричек» налоги платили в США.

«Свободный мир» не имел своей добычи, потребление там росло исключительно за счет импорта. К началу войны Судного дня зависимость Европы от нефти из стран ОПЕК (поставщик — МНК) составляла 80%, Японии — 92%, США — 16%². В 1977 г. после рекомбинации модели импорт США составлял уже 80% от собственной добычи. Кризис оплатили Европа и Япония, а США из кризиса извлекли выгоду.

НЕФТЯНОЙ СТАНДАРТ ВМЕСТО ЗОЛОТОГО

На скрижалях исследований кризиса 1973 г. высечено: причина — классическая рыночная дихотомия «спрос-предложение» (потребитель-производитель). В реальности конфликт развивался внутри стран-потребителей. Главным мировым экспортером нефти на тот момент был не ОПЕК и даже не МНК, а пять «сестричек» американского происхождения. Позиции сохранялись и после кризиса.

До 1979 г. всю нефть Ирана добывал консорциум Iranian Oil Participants Ltd. (на 40% принадлежал «американцам», на 40 — «британцам»). 80% саудовской нефти, по соглашению 1976 г. (ранее — 100%), поставляли на рынок американские «сестры». Соглашение касалось выкупа Arabian American Oil Company (Aramco) правительством Саудовской Аравии у американских «сестер». Деньги выплатили в 1980 г., а соглашение подписали в 1990 г. [14]

В 1973 г. добыча Саудовской Аравии и Ирана превышала 50% всей добычи ОПЕК, и составляла большую часть импортируемой в США нефти. Добыча Aramco росла все кризисные годы (1971–1974 гг.), увеличившись в 2 раза (до 8,4 млн барр./сут.), а шах Ирана отказался участвовать в эмбарго (он был обязан США своим возвращением к власти в 1953 г.).

До 1973 г. считалось, что США готовы обеспечить энергетическую безопасность «свободного мира» с помощью расконсервации скважин на своей территории. Эмбарго и последующий кризис иллюзию атлантического единства разрушили. Конфликт США с остальным «свободным миром» локализовался в политическом пространстве (стал наблюдаемым), но сформировался он много ранее.

В 60-е гг. послевоенный расклад сил в «свободном мире» изменился. К 1970 г. доля США в ми-

² ОАПЕС, Secretary General's First Annual Report presented to the 13th Ordinary Meeting of the Council of Ministers. Kuwait; 1974.

ровом производстве упала с 35 до 27%, инфляция (6,2%) и безработица (6,2%) достигли 18-летнего и 8-летнего максимума соответственно. Долларовая масса в мировом обороте выросла до 132 млрд превысив внутренний оборот в 2,5 раза (52 млрд).

Привязка валют стран — участниц Бреттон-Вудса к доллару оправдывала себя, пока долларовая масса соответствовала золотому обеспечению. Нарушение паритета означало масштабный экспорт американской инфляции. Страны «свободного мира», соблюдая договор, обязаны были наращивать свою денежную массу согласно росту объема долларов (фиксированные к доллару валюты).

К 1970 г. авуары нерезидентов достигли 50 млрд долл., а золотые резервы США оценивались в 11 млрд [10]. Министр финансов Франции Валери Жискар Д'Эстен открыто называл систему «чрезмерной привилегией американцев» [15]. Франция стала постепенно заменять в своих резервах доллары на золото, а ФРГ накануне Nixon Shock произвела беспрецедентный обмен объемом в 5 млрд долл. [16].

«Союз угля и стали» уверенно двигался в сторону создания нового мирового центра силы и новой мировой резервной валюты. Осенью 1970 г. вышел доклад Давиньона о внешнеполитическом единстве Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и был одобрен проект создания валютного союза (план Вернера) [17]. Голлистская «Европа отечеств» уступала место «европейскому отечеству» (наднациональный статут) [18].

Распад Бреттон-Вудской системы актуализировал проект создания единой Европы. Ситуация требовала от США экстренных мер. Nixon Shock и Смитсоновские соглашения необходимый результат не обеспечили, эффект оказался краткосрочным. 11 января 1973 г. весь «свободный мир» погрузился в глубокий двухгодичный кризис, сопоставимый по масштабу с Великой депрессией и кризисом 2008 г.

Dow Jones рухнул на 45%, сократившаяся после Nixon Shock инфляция подскочила с 3,4 до 12,3%, экономика США вошла в рецессию (–2,1% ВВП). Фондовые индексы стран будущей G7 достигли дна, потеряв в реальном выражении 43% стоимости. Рынок ФРГ вернется на докризисный уровень только в июне 1985 г., Великобритании — в мае 1987 г., а США — в августе 1993 г.

Вздувшийся «долговой пузырь» требовал активов, или костра аутодафе для «лишних» денег в центре Таймс-сквер (дефолт). Арабское эмбарго

оказалось весьма кстати. Пятикратный рост цен на нефть направил решение задачи по первому пути. Самый емкий товар мирового рынка помог избежать коллапса экономики всего «свободного мира», золотое содержание доллара заменили на нефтяное.

По данным Всемирного банка, в предкризисный 1972 г. мировой экспорт товаров и услуг достиг 510 млрд долл. Мировая добыча нефти составила 20 млрд барр. (36,6 млрд долл. при среднегодовой цене в 1,82 долл./барр.). В 1974 г. тот же объем нефти (реально добыча выросла) стоил уже 220 млрд долл., а мировой рынок вырос до 969 млрд долл. Доля сырой нефти в мировой торговле поднялась с 7,1 до 22,7%. Это без учета того, что цена нефти заложена во всех товарах и услугах, ее рост влечет за собой рост цен по всей цепочке мирового производства.

Эксперты нефтяного рынка расходятся в оценках причин кризиса, но приходят к общему выводу: кризис связал нефтяное ценообразование с международной политикой. В 1973 г. были разбалансированы все цепочки мировой стоимости, нефть стала причиной и источником глобального платежного дефицита (инфляция). Нефтьдоллар (цена нефти) обрел статус каркаса (финансовая обвязка) мировой экономики, вызвав к жизни новое глобальное соглашение, известное сегодня как G7.

Исторически такие рекомбинации происходили только по итогам мировых войн и крушения мировых империй. Война Судного дня была локальной, одной из (пятой по счету) арабо-израильских войн, ни одна из которых ранее не приводила к таким потрясениям. Значит, у глобального политического и экономического перестроения мира была другая причина или другая война — скрытая, или гибридная, как принято сейчас говорить.

ОТ КАРТЕЛЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ — К КАРТЕЛЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Процесс финансового и политического становления ЕЭС имел свое нефтяное содержание. Французская Total и итальянская ENI вели активное наступление на позиции МНК, преимущественно в Африке (Алжир, Нигерия, Египет, Ливия). ENI была особенно агрессивна, предлагая местным правительствам за концессию 75% прибыли от продажи сырой нефти («сестры» — 50%). В переработку собственников ресурсов никто не пускал.

Настоящим прорывом стал итальянский контракт с СССР «нефть в обмен на трубы» (1958 г.)

и немецкий — «газ в обмен на трубы» (1970 г.). Появление такого (политически сильного) игрока на мировом энергетическом рынке ломало модель, создавало угрозу энергетическому господству американцев. США пытались заблокировать оба контракта санкциями и открытым политическим давлением, но безуспешно.

Выход СССР на главный в мире рынок, с одной стороны, стал драйвером обострения борьбы нефтеносных стран за повышение доли прибыли, что в итоге привело к национализации промыслов. С другой — усилил противоречия внутри «свободного мира», результатом чего стала политика разрядки. В 1973 г. оба этих направления обретут реальную силу. Эмбарго как катализатор запустило переформатирование всей системы международных отношений.

Когда Р. Никсон без предварительных консультаций с союзниками по НАТО объявил повышенную боевую готовность американских войск, размещенных в Европе, это вызвало там панику. Аналогично США действовали в момент Карибского кризиса (11 сентября 2001 г. будет много позже). Стало понятно: война Судного дня носит не локальный характер, задеты экзистенциальные интересы США.

Европа отказалась поддержать Израиль, выступив за урегулирование конфликта в рамках резолюции ООН № 181 1947 г. (раздел Палестины). Госсекретарь США Генри Киссинджер не скрывал раздражения: «Европейцы ведут себя как шакалы... Они всячески подстрекают арабов... Когда это все закончится (...), мы в первую очередь должны оценить состояние отношений с нашими европейскими союзниками... чего стоят все эти утверждения об общности интересов в сфере безопасности и во всех других вопросах»³.

Отмена золотого фиксинга, две девальвации, война Судного дня, эмбарго, экономический кризис... Этот событийный ряд оказался не этапами противостояния «свободного мира» и арабских тираний, а проверкой на прочность «атлантических уз» (напрашиваются параллели с сегодняшним днем).

К 1973 г. ЕЭС самостоятельно (без США) сформировала концепцию энергетической безопасности. США при возникновении чрезвычайных ситуаций предлагали использовать в общих интересах свою импортную квоту, но не внутреннюю (самую

большую в мире) добычу. Япония считала, что перераспределять надо весь объем нефти (равные условия), а Франция — в пользу «жизненно важных отраслей производства». Для США оба варианта означали отказ от национальных приоритетов (огромный парк личных автомобилей)⁴.

7 сентября 1973 г. Америка представила свое видение энергобезопасности в виде доклада о необходимости координации усилий развитых стран, поддержки корпораций («семь сестер») и построения «особых отношений» с Саудовской Аравией по самому широкому кругу вопросов⁵. ЕЭС свою концепцию («Необходимость прогресса в энергетической политике Сообщества») опубликовало годом ранее, а в августе 1973 г. вышел доклад «Основные направления энергетической политики Сообщества»⁶.

И в американской, и в европейской версии речь шла не о законах рынка и свободе предпринимательства, а о сговоре (картель) покупателей. Программы совпадали по пунктам: создание стратегического резерва, общий мониторинг нефтяных цен, единый реестр импорта/экспорта углеводородов и синхронное снижение энергопотребления. Различие было только одно, но кардинальное.

Европа настаивала на участии в выработке общей энергетической формулы стран-экспортеров по принципу «нефть в обмен на технологии». Принцип ляжет в основу модели «устойчивого развития» (неомальтузианство). На нем построят политику разрядки (модернизация СССР за счет направления львиной доли внутренних инвестиций в экспортную отрасль). Этот принцип похоронит советскую экономику после падения цен на нефть в середине 80-х гг. Этот принцип заложат в фундамент новой России.

Арабские страны выведут за пределы «формулы». Отношение к ближневосточным монархиям тогда выразил глава Комитета по управлению Конгрессом (управделами) Уэйн Лавер Хейс: «Арабские лидеры не так уж умны... их интересуют только три вещи: кадиллаки с кондиционерами, дворцы с кондиционерами и гаремы с кондици-

³ DDRS, Secretary's Staff Meeting, 1973, October 23, Secret, Declassified 3/3/98.

⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS) 1969–1976, vol. XXXVI.

⁵ Declassified Documents Reference System (DDRF), US Department of the Interior, Office of Oil and Gas, 1973, September 7, Declassified 5/07/05.

⁶ Implementation of the Guidelines and Priority Actions for Community Energy Policy, Information Memo P-42/73, August 1973.

онерами. Знаете ли, благосостояние большинства населения земного шара должно стоять выше этих приоритетов»⁷.

Идея «картеля потребителей» впервые прозвучала 12 декабря 1973 г. в Лондоне во время речи Г. Киссинджера перед Обществом пилигримов (основано 16 июля 1902 г. как инструмент непубличной координации действий США и Англии). А 14–15 декабря в Копенгагене на энергетическом саммите глав стран ЕЭС была отмечена первоочередность сотрудничества со странами-экспортерами. Взаимодействие со странами — потребителями нефти в рамках ОЭСР (т.е. с США) было сформулировано как второстепенная задача. В Копенгаген были приглашены главы МИД Алжира, Туниса, Судана и ОАЭ.

В США саммит расценили как ответ на «пилигримское предложение» Киссинджера, а его тон — как желание дистанцироваться от США⁸. Для дистанцирования у Европы были все основания. В момент эмбарго Америка повела себя в полном соответствии с принципами протекционизма, а «семь сестер» выступили буфером между потребителями и ОПЕК, перераспределив тяжесть эмбарго с США на весь «свободный мир»⁹.

Столкновение позиций произошло на Вашингтонской конференции (11–13 февраля 1974 г.). Во вступительной речи Г. Киссинджер заявил, что миссия США — спасти мир от повторения катастрофы 1930-х гг. Ради этой миссии, со слов главы МИД Франции Мишеля Жобера¹⁰, США угрожали Бонну выводом войск, а Лондону — отказом поддерживать фунт стерлингов. США восстанавливали свое доминирование, раскалывая ЕЭС¹¹.

В мае 1974 г. VI Специальная сессия Генассамблеи ООН примет Резолюцию о создании нового мирового экономического порядка (НМЭП). Объясняя происходящее, Г. Киссинджер скажет главе МИД Франции Жану Сованьяргу: «Вы могли бы подумать, что хитроумный план США заключается в том, чтобы подчинить себе энергетическую политику Европы, но это не в наших интересах». Цель США в том, чтобы не допустить повторения эмбарго¹².

В ноябре 1975 г. будет создано Международное агентство по энергетике (МАЭ). А в феврале МАЭ

примет программу: сокращение импорта на 10%, расширение добычи вне ОПЕК и развитие альтернативной энергетики. Договорились с помощью тарифов держать высокие цены на нефтепродукты внутри «свободного мира», ограничивая рост цен на сырье вне его. Смысл этой меры был в том, чтобы более дешевая добыча ОПЕК не похорила альтернативную энергетику и рост добычи вне ОПЕК.

(Найдите 5 отличий с сегодняшним днем, начиная с антикарбонового налога, «зеленой» энергетики и заботы США об энергобезопасности ЕС).

РЫНОК НА ЧЕСТНОМ СЛОВЕ

Отмена золотого фиксинга доллара и переход к системе «плавающих» валютных курсов в 1973 г. предоставили в руки США уникальный (исторически беспрецедентный) механизм волюнтаристского управления мировой стоимостью — ничем неограниченный (беспроцентный и бессрочный) кредит, позволяющий манипулировать потоками мировых инвестиций (формировать будущее).

Эксперты нефтяного рынка солидарны: эмбарго связало ценообразование нефти с международной политикой. Один из лучших отечественных исследователей политической подоплеки кризиса 1973 г. Ольга Скороходова уверена, что деформации подвергся не рынок нефти сам по себе, а изменилась социально-экономическая модель стран Запада. Был пересмотрен весь комплекс международно-политических отношений [19].

Парадоксально, что, осознав политическую природу нефтяного кризиса, эксперты остаются в пределах товарного понимания природы нефтяного рынка. Объяснить парадокс можно только глубоко укорененной в общественном сознании догмой об объективности экономики как научной дисциплины (торжество инстинкта над культурой). При этом политическую природу (субъектность) экономики как системы контрактных отношений никто не отрицает.

Дело не в терминологической путанице (наука/контрактное право). Дело в том, что для стран-импортеров нефть — не предмет торга (спрос/предложение), а вопрос выживания (безопасность). Спрос на нефть неэластичен (не зависит от цен), отрасль модерируется предложением. Затраты (стоимость) не определяют точку отсчета не только «бумажного рынка», но и рынка товарной нефти. На рынке «бумаг» репером является доступ к деньгам (кредит), на рынке товарной нефти — к сырью (контроль над добычей и транспортировкой).

⁷ Congressional Record, 1973, vol. 119, Nov. 27, No. 182, H101.

⁸ FRUS 1969–1976, vol. XXXVI, p. 763.

⁹ Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy, Report..., p. 147.

¹⁰ Le Monde, 23.II.1974.

¹¹ FRUS 1969–1976, vol. XXXVI, p. 893.

¹² Ibid.

Нефтяная отрасль всегда регулировалась глобальным соглашением. Если квоту нарушал хоть один игрок, в разнос шла вся система. «Неформальные и нерегулируемые рынки в нефтяной промышленности никогда не были транспарентными, и анекдотически сократились в размерах с течением времени. Особенно после Великой рецессии 2008–2009 гг., которая ограничила их деятельность и направила неформальное управление рисками на регулируемые биржи»¹³.

В истории нефти был этап свободного ценообразования, но очень короткий: с 1871 по 1895 г. Он изобиловал большим числом скачков цен с такой амплитудой, которые ни разу не повторились за всю последующую историю. Начиная с 1895 г. Standard Oil стала каждое утро вывешивать цену нефти на дверях своего офиса. Потом были «семь сестер». А потом, как ошибочно считают, — ОПЕК, приписывая ей роль ценоустанавливающего субъекта (контроль над добычей и транспортировкой).

ОПЕК никогда не была картелем производителей, а МЭА не стало «картелем потребителей». Публичные организации действуют в рамках международных норм и для сговора не подходят. «Картель потребителей», созданием которого занимался Г. Киссинджер, появится позже. Новый (совещательный) статус Европы и Японии на нефтяном рынке и в международной политике будет оформлен в Рамбуйе на первом заседании неформального клуба лидеров «свободного мира» (G7) в ноябре 1975 г.

В 1975 г. будет заключено еще одно (ключевое для рекомбинации) соглашение. Г. Киссинджер и саудовский принц Фахд ибн Абдель Азиз договорятся о создании комиссии по экономическому сотрудничеству и вопросам безопасности. Одним из «закрытых» пунктов договора станет обязательство Эр-Рияда вкладывать половину своих доходов в ценные бумаги США и закупать в США оружие в обмен на военную помощь «против любой угрозы» (новая редакция «пакта Куинси») [20].

Переход от картельного к «бумажному» ценообразованию (рекомбинация) носил многоуровневый характер. Задачи: размыть долю ОПЕК в добыче; заменить долгосрочный контракт (фиксированная цена) на спот; внедрить между производителем и покупателем посредника (институт трейдеров); создать систему страхования

(hedging) колоссальных рисков, возникающих при переводе топлива мировой экономики на спот (безразмерный финансовый рынок).

Задачи были решены к 1986 г., который связывают с еще одним системным кризисом в нефтяной отрасли, переросшим в экономический кризис. Спот по отношению к контрактным поставкам достиг 55%, объем реализуемой трейдерами нефти стран ОПЕК превысил 50%, доля ОПЕК в мировой добыче упала с 52% (1973 г.) до 28%¹⁴. Размыта доля была Аляской, Мексиканским заливом, Северным морем и разрядкой. Объем экспорта нефти из СССР вырос с 67 до 127,3 млн т (1970–1989 гг.)¹⁵.

В 1986 г. официальные цены ОПЕК перешли в разряд справочных, на нефтяном рынке воцарился фьючерс.

Без Nixon Shock рекомбинация была бы бессмысленной и бессистемной (отсутствие цели и бенефициара). Если бы золотой фиксинг сохранили, то вместо мировой инфляции мы сегодня видели бы запредельные цены на нефть. Не было бы сумасшедшего скачка потребления, не было бы огромного мирового долга, не было бы американского глобального доминирования. В общем, это был бы совсем другой мир...

Выводы

Феномен отрицательных цен показал: природа современного рынка качественно иная, отличная от канонической. Классический рынок оперирует сбережениями (результат, итог), фондовый — будущим доходом (план, прогноз). Распределяется и фиксируется «будущее» через перманентный торг долговыми билетами: векселя, акции, титулы, после 1971 г. — доллары.

Тот факт, что новая природа рынка была показана нам на примере торгов нефтью, носит закономерный характер. Нефть — базисный ресурс мировой экономики: первый глобальный товар, первый товарный кредит, первая «золотая акция», первый картель как система управления мировой стоимостью.

Официально переход к «бумажной» модели оформили в 1971 г. через масштабный мировой кризис. В 1986 г. цены на нефть напрямую привязали к цене фьючерса (первой это сделала Pemex), что привело к очередному кризису (падение цен с 31,75 до 10 долл./барр.). С этого момента драй-

¹³ Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>.

¹⁴ BP Statistical Review of World Energy; 2019.

¹⁵ Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/rodina-neft.html>.

вером мирового энергорынка стало выступать предложение денег (не нефти). Условия глобальной сделки (срок, цена) стал определять не картель производителей или «картель покупателей», а финансовый посредник.

Мотивация посредника прямо противоположна интересам участников сделки. Доход (процент) кредитору приносит не завершение сделки, а ее обслуживание. Растянуть срок исполнения сделки до бесконечности невозможно, зато можно безостановочно (бесконечно) торговать сделкой. Именно так (24 часа в сутки, 7 дней в неделю) организована торговля «бумажной нефтью».

Рынок «бумажной нефти» начал расти (скачок рисков) по экспоненте 11 сентября 2001 г., уровень внутренних дисбалансов модели дошел до пороговых значений. До 2008 г. в равновесии

систему поддерживал рост военных расходов и мобилизационных программ (бюджет форс-мажора). После — программы количественного смягчения (эмиссия).

В 2014 г. внутренняя добыча в США вернулась на уровень 1971 г. и перевалила за него. Модель закольцевалась (змея укусила себя за хвост), цены на нефть рухнули. Систему сначала подвергли интенсивной финансовой химиотерапии, а потом погрузили в искусственную кому. Кризис продолжается.

Рост мировой экономики как единого целого заблокирован политическими противоречиями субъектов этой экономики (государства). Перезапуск модели без нового глобального соглашения невозможен. Вашингтонский консенсус мертв. Идет поиск нового глобального эквивалента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пляйс Я.: Диалектика распада СССР и уроки для России. *Обозреватель-Observer*. 1997;(12):24–28.
2. Шатилов А. Геополитическая модель классического евразийства и ее современные мифологические интерпретации. Сб.: Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М.: Издательство РГГУ; 1996.
3. Белоконов С., ред. Технологии и компетенции PR & GR в условиях цифровой экономики. Монография. М.: КноРус; 2018.
4. Симонов К. Глобальная энергетическая война (Тайны современной политики). М.: Алгоритм; 2007.
5. Казанцев А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет; 2008.
6. Скороходова О. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2015.
7. Крутаков Л., Макушкин А. Изменения приняты. *Коммерсантъ Власть*. 2015;(5):8–14.
8. Крутаков Л., Макушкин А. Бизнес с размахом. *Коммерсантъ Власть*. 2016;(9):8–13.
9. Сергеев В.: Народовластие на службе элит. М: Издательство МГИМО; 2013.
10. Красавина Л.Н., ред. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. Учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2018.
11. Сулейменова А., Панзабекова А. Развитие мирового рынка нефти и предпосылки его трансформации. *Экономика: стратегия и практика*. 2020;2(15):43–54.
12. Белоусова К. «Нефтяное оружие» в третьей и четвертой арабо-израильских войнах. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(2):47–56.
13. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер; 2017.
14. Крутаков Л. Игра в нефть. *Коммерсантъ Власть*. 2015;(5):8–13.
15. Эйхенгрин Б. Непомерная привилегия: Взлет и падение доллара = Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International monetary system. М.: Издательство Института Гайдара; 2013.
16. Frum D. How We Got Here: The 70's, the Decade that Brought You Modern Life (for Better or Worse). Basic Books; 2000.
17. Маныкин. А. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. М.: Олби Принт; 2010.
18. Барановский В. Европейское сообщество в системе международных отношений. М.: Наука; 1986.
19. Скороходова О. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986 гг.). URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Skorokhodova.pdf>.
20. Белоусова К. Нефтяное оружие в третьей и четвертой арабо-израильских войнах. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(2):47–56.

REFERENCES

1. Plays Ya. Dialectics of the collapse of the USSR and lessons for Russia. *Обозреватель*. 1997;(12):24–28. (In Russ.).
2. Shatilov A. Geopolitical model of classical Eurasianism and its modern mythological interpretations. In: *Modern political mythology: content and mechanisms of functioning*. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 1996. (In Russ.).
3. Belokonev S.M., ed. Technologies and competences of PR & GR in the digital economy. Monograph. Moscow: KnoRus Company; 2018. (In Russ.).
4. Simonov K. Global Energy War (Secrets of Contemporary Politics). Moscow: Algorithm; 2007. (In Russ.).
5. Kazantsev A. “The Big Game” with unknown rules: World Politics and Central Asia. Moscow: MGIMO-University; 2008. (In Russ.).
6. Skorokhodova O. The role of the oil factor in international relations (1973–1986). Abstract of Diss. ... Candidate of History sciences. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2015. (In Russ.).
7. Krutakov L., Makushkin A. Changes are accepted. *Kommersant. Vlast*. 2015;(5):8–14. (In Russ.).
8. Krutakov L., Makushkin A. Business on a grand scale. *Kommersant. Vlast*. 2016;(9):8–13. (In Russ.).
9. Sergeev V. Democracy in the service of the elites. Moscow: MGIMO Publishing House; 2013. (In Russ.).
10. Krasavina L.N., ed. International monetary, credit and financial relations (textbook for academic bachelor's degree). 5th ed. Moscow: Yurayt Publishing House; 2018. (In Russ.).
11. Suleimenova A., Panzabekova A. Development of the world oil market and the prerequisites for its transformation. *Ekonomika: strategiya i praktika*. 2020;2(15):43–54. (In Russ.).
12. Belousova K. “Oil weapons” in the third and fourth Arab-Israeli wars. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* = *World economy and international relations*. 2010;(2):47–56. (In Russ.).
13. Yergin D. Production: The World History of the Struggle for Oil, Money, and Power. Trans. from English. Moscow: Alpina Publisher; 2017. (In Russ.).
14. Krutakov L. The game of oil. *Kommersant. Vlast*. 2015;(5):8–13. (In Russ.).
15. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International monetary system. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2013. (In Russ.).
16. Frum D. How We Got Here: The 70's, the Decade that Brought You Modern Life (for Better or Worse). Basic Books; 2000.
17. Manykin. A. Models of regional integration: past and present. Moscow: Olby Print; 2010. (In Russ.).
18. Baranovsky V. European community in the system of international relations. Moscow: Nauka; 1986. (In Russ.).
19. Skorokhodova O. The role of the oil factor in international relations (1973–1986). URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Skorokhodova.pdf>. (In Russ.).
20. Belousova K. “Oil weapons” in the third and fourth Arab-Israeli wars. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* = *World economy and international relations*. 2010;(2):47–56. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Викторович Крутаков — доцент Департамента массовых коммуникаций и рекламы, Финансовый университет, Москва, Россия
lvkrutakov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Leonid V. Krutakov — Associate Professor Department of Mass Communications and Advertising, Financial University, Moscow, Russia
lvkrutakov@fa.ru

Статья поступила 05.02.2021; принята к публикации 27.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.02.2021; accepted for publication on 27.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.